

Российское самосознание: обновление начал в социально-аксиологических практиках Н.Н.Страхова

Исследование проблем российского самосознания в России начала XXI в. осложнено утратой преемственности, своего рода экзистенциальными разрывами исторической памяти о некогда многочисленных и основательных попытках усмотрения и решения этих проблем в русской мысли прошлых столетий. Между тем, задавшись вопросом о российском самосознании, мы спрашиваем вполне исторично – надеемся таким образом возобновить онтологический пункт понимания того, что с различной степенью теоретической приблизительности называют современной Россией. Не располагая никаким предварительным согласием относительно реальности сознания, самосознания или, тем более, российского социального самосознания (народа ли? нации? территориальной общности?), мы все-таки обнадеживаемся возможностью понимания ее начал – как неким историчным, «молитвенным» пределом к которому не может не стремиться социальная мысль.

В обстановке нынешней теоретической разноголосицы, приумножения точек зрения на социальную реальность плодотворным, пожалуй, будет обратиться к схожим временам, середине XIX в., особенно выделяя при этом 60–70-е гг. – эпоху радикальной философской искренности. Проблематика российского самосознания тогда скорее «чувствовалась», нежели конципировалась, – накапливалась и утверждалась в опыте здравого смысла многочисленных собеседников, среди которых одним из наиболее признанных и желанных был Н.Н.Страхов. В бурных разговорах о

России, ведущихся в прямом общении, переписке или журналах, которые были тогда весьма бойким местом для таких диалогических встреч, отнюдь не всеми приветствовалась абстрактно-систематическая «перегородочная философия» (Н.П.Вагнер); однако повсюду различным образом давали себя знать начала аксиологического характера – ценностные ориентиры социального самопонимания.

Единство этих ценностных ориентиров у Н.Н.Страхова отметил еще В.В.Розанов¹; у самого Страхова они предстают в некотором практическом, *центонном тождестве свободомыслия и самоумаления* – в решимости высказываться, ориентируясь на собеседника и, одновременно, учитывая различные стратегии социального самопонимания, как они предстают в трудах его современников по эпохе и столетию². Перечитывает ли Н.Н. Страхов рассуждения Н.М.Карамзина о социальной истории, дискутирует ли с В.С.Соловьевым о доктрине социально-исторических типов Н.Я.Данилевского, исследует ли пушкинскую историю небывалого села Горохина, пишет ли о социальной совести, комментируя вольтеровского «Микромегаса» или «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, – повсюду заметно страховское стремление сблизиться с чужим словом с некоторой предельной точностью, освоить его, понять и принять то, о чем говорит собеседник, с микроаксиологической адекватностью, с точки зрения конкретно и индивидуально-практически понимаемой им «вечности».

Центонное, происходящее в разговорах о российском обществе самоумаление Н.Н.Страхова исторично соответствует как европейско-российской обстановке социальных потрясений и социального энтузиазма *laissez faire* (вплоть до руинизации этико-социальных иерархий и «нравственной первобытности»), так и процессам всестороннего обновления русской интеллектуальной культуры, которые происходили в ту пору. Почти все стало возможно помыслить в тогдашней России, и не было ничего труднее, нежели помыслить хоть что-то теоретически осмотрительно и ответственно: совсем недавно, только в первых годах XIX в. приумножились российские университеты; еще в 1825-м гг. Россия, не зная, по слову А.С.Пушкина, своего философского, «метафизического» языка, но уже в 1849-м г. успела побывать под запретом университетская философия... Отечественные интеллектуалы жадно читали европейских современников, многим из которых уже был внят

мефистофелевский провокативный скепсис насчет открытия чего бы то ни было нового в истории мысли, и озадачены они были ничуть не менее насчет того, что возможно еще сказать на том языке социально-теоретической определенности и концептуальных надежд, который европейцами уже был поставлен под вопрос, а в России был все еще неразработан и ненадежен.

«В наше время... доверчивые люди преспокойно набивают себя всяческими обрывками слов и мыслей, носящихся вокруг них; этот хаос удовлетворяет их, насыщает, заглушает в них потребность ясного и точного понимания...»³.

Уже в самом начале 1860-х гг. можно обнаружить примеры центонного самоумаления Н.Н.Страхова как социального мыслителя-публициста, часто подписывавшего свои статьи-выступления псевдонимами «Н.Косица», «Н.Коси...», «Н.Кос...» – парафразами пушкинского псевдонима «Феофилакт Косичкин»⁴. Весьма характерна в истории страховского самоумаления полемика, развернувшаяся между Страховым-Косицей и А.Н.Пыпиным в начале 1870-х: теоретико-социальному усердию последнего, старающегося различить устаревшее прошлое карамзинской нравственной философии истории и настоящее философии исторического прогресса, тихий Н.Н.Страхов противопоставляет иронию и предпочитает обсуждать все это различие с позиций мерных, обращаясь к неким конкретно-общим, этическим местам социального понимания, в которых невозможен такой абстрактный темпоральный энтузиазм:

«Неохотно и не без некоторого смущения касаюсь я предметов этого рода. Далеким от дел государственных, нередко я втайне благословляю свою смиренную долю, когда подумаю, в какое великое затруднение привели бы меня задачи, с коими другие обращаются легко, отважно, не задумываясь»⁵.

Нет ничего надуманного и в центонном страховском свободомыслии: его историчность – прежде всего в том, как Страхов учитывает конкретные этико-социальные, философские практи-

ки русского либерализма, от Н.Г.Чернышевского, Н.А.Некрасова, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева или А.Н.Пыпина до М.Е.Салтыкова-Щедрина и В.П.Буренина в его «фригийской шапке» социального интеллектуала-шута.

«Мы все шутим, у нас все шутки! Статьи г. Пыпина, на мой взгляд, тоже чистейшие шутки. Даже целый «Вестник Европы» есть ничто иное, как огромная шутка, ежегодно издаваемая в двенадцати толстых томах, – шутка над русской литературой, над русской историей, над памятью Карамзина, имени которого посвящен сей журнал. Мы резвимся и играем – кто как умеет, кто во что горазд, кто в европейскую цивилизацию, кто в русскую народность! А жизнь и история между тем идут своим чередом, и ни цивилизация, ни народность нас знать не хочет»⁶.

Центонное («пропушкинское», «прогегелевское» и т. д.) свободомыслие «тонкого» Н.Н.Страхова, которого «не подкупишь» (В.В.Розанов)⁷, всегда ограничивалось усилиями по сохранению здравого смысла и нравственному самосбережению:

«Я люблю, милостивый государь, преимущественно хороший слог, логику и добродетель, и притом люблю их ради их самих, без всяких расчетов, безо всяких дальнейших соображений»⁸.

«...точка зрения нравственная и художественная, то есть вековечная точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные»⁹.

Когда Н.П.Вагнер упрекает Н.Н.Страхова в стремлении к «перегородочной философии»¹⁰, сам Н.Н.Страхов находит это «живописным» и соглашается только в «предохранительно-дидактическом» (А.И.Введенский) смысле:

«По-моему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчет в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам...»

«...постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем»¹¹.

Оставаясь «трезвым между угорелыми», основой своей философии социального ценного самопонимания Н.Н.Страхов делает историчный социальный кеносис – философское исповедничество в связи с положительно ценным у реального собеседника, отыскивает положительный минимум у социально конкретного второго лица, «все понимает» только эту конкретную положительную данность своего социального другого. Из ситуации нашего социального самопонимания начала XXI столетия («нового нового времени», эпохи «trace-модерна»¹² и т. д.), при изживании множественных экзистенциальных разрывов нашего социального самосознания Н.Н.Страхов видится поэтому актуальным собеседником – реалистичным мыслителем, чуждым утопической мечтательности, стремления «заштопать» разрывы, или начать мыслить с некоторого абстрактного *ab ovo*. Кенотические практики Н.Н.Страхова являются практиками незавершенными; его философия известна как философия «недосказанная»¹³. Но проблематически интересно исследовать именно эту теоретически неэксплицированную, социально-онтологическую установку Н.Н.Страхова на второе лицо: эта фактически крепкая установка позволяла ему «утверждаться там, где стоишь», – не выпуская из виду *αὐτὸ τὸ αὐτό*, извечно беспокоящее нас наше социальное «самое само»¹⁴, забота о котором есть не столько непосредственная забота о себе, сколько практико-ориентированная, свободная «забота об Алкивиаде» – своем социальном другом.

Примечания

¹ Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 42.

² О эпистемологическом ресурсе концепта центона см. напр.: Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984. С. 281 и др.; Его же. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158 и др.; Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 55–75 и др. Концепт центона, на мой взгляд, позволяет не упускать из виду именно конкретность социальных рефлексий Н.Н.Страхова, историчный или онтологически «участный» (М.М.Бахтин) характер его социального мышления.

- ³ *Страхов Н.Н.* О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. 57–58. Материалы этой книги готовились Страховым еще в 70-х: в № 41–42, 43 и 44 «Гражданина» за 1876 г. была напечатана большая статья Страхова «Три письма о спиритизме», существенно определившая впоследствии содержание книжного издания. Ср.: Введенский А. Общий смысл философии Н.Н.Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm.
- ⁴ О внимании Н.Н.Страхова уже к пушкинскому центонно-парафрастическому мастерству см. напр.: *Страхов Н.Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 17–34 («Главное сокровище нашей литературы» (впервые опубликовано в «Отечественных записках» в 1867 г.)), 35–59 («Заметки о Пушкине» (впервые опубликовано в Санкт-Петербургском сборнике «Складчина», в 1874 г.), в т. ч. главы «Нет нововведений», «Переимчивость», «Подражание», «Пародии», «Прямодушие») и др.
- ⁵ *Страхов Н.Н.* Вздох на гробе Карамзина // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л.А.Сапченко. СПб., 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml. См. также: *Страхов Н.Н.* (Н.Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») // *Страхов Н.Н.* Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231–242; Страхов Н.Н. (Н.Косица). Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март. С. 1012–1020 (архивные фрагменты, опубликованные и коротко комментированные И.П.Матченко, с обращением к страховской «Борьбе с Западом в нашей литературе»; цитирую электронную копию, любезно присланную мне В.А.Фатеевым) и др.
- ⁶ *Страхов Н.Н.* Вздох на гробе Карамзина. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.
- ⁷ *Розанов В.В.* Мимолетное. М., 1994. С. 42, 276.
- ⁸ *Страхов Н.Н.* (Н.Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») // Страхов Н.Н. Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231–242. Замечателен тот пушкинский «свободный консерватизм» (П.П.Вяземский), который воссоздает в своих полемически-смеховых «Вздохах» Н.Н.Страхов: несогласие с оппонентом, «искренним своим», имеет здесь не абстрактно-критический, а конкретно-нравственный мотив, оно принципиально недогматично. Н.Н.Страхов несколько не торопится предъявлять аргументы к авторитету Н.М.Карамзина – Карамзина можно вспоминать, вполне смеясь, как это сделал уже Пушкин в «Летописи села Горохина». Надев маску Н.Косицы, Страхов защищает карамзинские труды от квазисоциальной подозрительности, социально-теоретического своенравия своего авторитетного современника. Ср. еще: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 29–32.
- ⁹ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.
- ¹⁰ *Вагнер Н.* Перегородочная философия (открытое письмо г. Страхову) // Новое время. 1883. № 2647. 13 июля. С. 2; № 2654. 20 июля. С. 2.
- ¹¹ *Страхов Н.Н.* О вечных истинах. С. 57–58.
- ¹² Концепты В.Г.Федотовой.
- ¹³ Ср.: *Введенский А.* Общий смысл философии Н.Н.Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm
- ¹⁴ *Платон.* Алкивиад I // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. I. М., 1990. С. 256–259.